
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ Ф.В.Й.ШЕЛЛИНГА*

П.В. Резвых

Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики
ул. Петровка, 12, Москва, Россия, 103031

Статья посвящена анализу источниковедческой ситуации, сложившейся вокруг философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга. В статье обосновывается необходимость пересмотра методологических стереотипов, характерных для традиционных исследований по истории немецкой классической философии, и намечаются основные линии развития междисциплинарной методологии исследования шеллинговского корпуса. На примере шеллинговедения автор показывает неразрывную связь текстологического и герменевтического аспектов историко-философского исследования.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, Шеллинг, междисциплинарность, источниковедение, текстология, герменевтика.

Для того чтобы адекватно оценить сложности, возникающие перед современным исследователем шеллинговской философии, необходимо составить себе ясное представление об источниковедческой базе, на которую такое исследование опирается. Это важно потому, что многие содержательные проблемы, с которыми сталкивается интерпретатор, тесно связаны со спецификой шеллинговских текстов и причудливой историей их появления на свет. Как мы попытаемся показать, текстологическую ситуацию, сложившуюся вокруг шеллинговского наследия, без преувеличения можно назвать уникальной.

1. Изданное и неизданное, сохранившееся и несохранившееся

Первая принципиальная проблема, с которой приходится иметь дело исследователю философии Шеллинга, — бросающаяся в глаза диспропорция между объемом текстов, постоянно обсуждаемых в шеллинговедческой литературе, и общим объемом творческого наследия философа. По существу, на сегодняшний день ни один период творческой деятельности Шеллинга не нашел полного и адекватного отражения в изданиях его сочинений. Неопубликованные рукописи философа включают в себя огромный массив текстов, имеющих принципиальное значение для оценки его философской эволюции и для адекватного понимания выдвинутых им философских проектов: готовые философские рукописи, черновики и наброски, заметки и выписки, дневниковые записи, а также обширное эпистолярное наследие, включающее не только частную, но и научную переписку.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX—XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

Учитывая технические сложности работы с рукописным материалом, привлечь его к рассмотрению в максимально полном объеме не представляется возможным. Кроме того, корпус неопубликованного постоянно пополняется новыми находками, поступающими как из государственных, так и из частных собраний. При таком положении дел любые интерпретационные гипотезы получают предварительный характер и всякий раз требуют корректировки при появлении на свет новых материалов. Именно интенсивная источниковедческая и публикаторская работа последних десятилетий породила насущную необходимость в пересмотре устоявшихся представлений о шеллинговской философии и выдвигании новых стратегий ее истолкования.

Вторая не менее серьезная трудность связана с тем обстоятельством, что значительная часть шеллинговского рукописного наследия, хранившаяся в тридцатые годы XX в. в архиве Мюнхенского университета, погибла в 1944 г. во время бомбежки. Сегодня исследователям доступна лишь самая общая информация о характере и составе мюнхенского рукописного собрания, опубликованная пионерами архивной работы вокруг шеллинговских материалов Хорстом Фурмансом [1. S. 378—396; 2. S. 14—26] и Манфредом Шрётером [3. S. 437—445].

Таким образом, исследователь изначально вынужден считаться с принципиальной неполнотой и фрагментарностью материала, которым он располагает, и опираться в ряде случаев на гипотетическую реконструкцию, восполняющую лакуны. Реконструкция и оценка шеллинговской философии оказывается в этих условиях чрезвычайно сложным и рискованным герменевтическим предприятием, требующим применения разнообразного и порою весьма замысловатого исследовательского инструментария. В этом отношении шеллинговедение сталкивается с проблемами, обычно возникающими при изучении античных и средневековых философских текстов и весьма нетипичными для исследования философии Нового времени.

2. Завершенное и незавершенное, осуществленное и неосуществленное

К чисто техническим трудностям, вызванным состоянием источников, присовокупляются также специфические формальные особенности шеллинговских текстов.

Стало почти общим местом определение шеллинговской философии как «work in progress», как серии подготовительных и промежуточных работ на пути к так никогда и не осуществленному окончательному синтезу. О том, насколько такая квалификация справедлива в содержательном отношении, речь пойдет ниже. В любом случае не подлежит никакому сомнению, что с формальной точки зрения незавершенность и предварительность является характерной особенностью всех шеллинговских текстов, включая и изданные им при жизни. Шеллинг не только фиксирует этот предварительный характер изложения в названиях работ («Идеи к ... как введение в...», «Первый набросок системы...», «Введение к наброску системы...», «Афоризмы о...», «Афоризмы к введению в...» и т.п.), но постоянно указывает в предисловиях и введениях на более широкий системный контекст, в который излагаемые размышления должны быть включены в будущем.

Несамодостаточность и незавершенность свойственна даже текстам с ярко выраженной претензией на систематическую форму: так, «Система трансцендентального идеализма» (1800) изначально прокламируется как лишь одна из двух основных частей философии; «Изложение моей системы философии» (1801) обрывается почти на полуслове и сопровождается примечанием, в котором лишь тезисно намечено предполагаемое завершение системы [4. S. 211]; «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809) завершаются обещанием, что за ним последует «ряд других сочинений, где постепенно будет представлена в целом идеальная часть философии» [5. С. 158] и т.д.

Фрагментарный характер шеллинговских сочинений ставит перед исследователем массу трудноразрешимых вопросов. Как следует интерпретировать незавершенность того или иного произведения? Является ли она следствием преимущественно внешних причин, или же служит симптомом принципиальных трудностей развиваемого в нем подхода к проблеме? В какой мере последующие тексты действительно развивают и дополняют то, что было развито в форме предварительных соображений, а в какой вносят в апробированную ранее философскую стратегию принципиальные коррективы? Насколько проблема формы осознана и отрефлектирована самим мыслителем? Понимание смысла шеллинговской философии и внутренней логики ее становления и развития в огромной мере зависит от решения подобных вопросов. В любом случае важнейшим ориентиром при этом должно оставаться рассмотрение шеллинговской философии как единства осуществленного и неосуществленного: крупномасштабные проекты, в рамках которых создавались те или иные отдельные тексты, определяют стратегические перспективы шеллинговской мысли вне зависимости от того, были ли эти проекты претворены в жизнь. В этом отношении серьезный интерес представляет также ряд свидетельств о неосуществленных замыслах Шеллинга — натурфилософской поэме по образцу Лукреция [см.: 6. S. 23—25, 28—29], диалоге «Сон Кирсоса», которым предполагалось завершить цикл, начатый диалогом «Бруно» [7. S. 50], и др.

Фрагментарность и незавершенность характерна для философского творчества многих мыслителей романтической эпохи (достаточно указать на такие хрестоматийные примеры, как философские проекты Новалиса, Фридриха Шлегеля, Франца фон Баадера). Однако в случае Шеллинга возникающие в связи с этим герменевтические проблемы приобретают особую остроту. Многие важнейшие тексты шеллинговского корпуса вообще не представляют собой единого целого с фиксированной структурой, а являются своего рода гипертекстами, совокупностью множества фрагментов и набросков, связанных многообразными перекрестными ссылками и соответствиями.

Типичнейшим примером такого гипертекста являются «Мировые эпохи» — сочинение, над которым Шеллинг работал в течение двадцати лет и которое в процессе работы развилось в замысловатую сеть текстов разной степени завершенности (три относительно законченные, весьма различные по содержанию версии первой из трех запланированных частей трактата, наброски ко второй и третьей частям, а также многочисленные отдельные наброски и фрагменты весьма герметичного характера). Наиболее обширная версия первой части, датированная 1815 г., вошла в собрание сочинений; более ранние версии 1811 и 1813 гг. и наброски

ко второй и третьей частям были изданы в 1946 г. Манфредом Шрётером [8]; отдельные фрагменты и наброски из наследия опубликованы в 2002 г. Клаусом Гротшем в двух томах Шеллингианы [9]. Важные тексты, относящиеся к «Мировым эпохам», содержат также шеллинговские дневники 1809—1816 гг., изданные Мартином Шравеном [10—11].

Аналогичная ситуация, как будет показано ниже, имеет место в отношении текстов по философии мифологии и философии откровения, где сложности усугубляются также и огромными объемами частей, образующих такой гипертекст.

Гипертекстуальный характер шеллинговского изложения ставит исследователя перед новой проблемой. Поскольку многосоставность и сложное внутреннее устройство текста являются его конституитивной особенностью, то установка на реконструкцию систематического единства текста несет в себе угрозу насилия над материалом. Поэтому исследователю всякий раз приходится вырабатывать критерии, с помощью которых было бы возможно если не вовсе избежать такого насилия, то во всяком случае свести его к минимуму. Например, при интерпретации терминологических расхождений между различными версиями изложения одного и того же комплекса аргументов требуется обоснованный ответ на вопрос, продиктовано ли это расхождение только соображениями поиска более адекватной внешней формы или же оно имеет собственно философское значение.

Дополнительные проблемы создает также многообразная контекстуализация шеллинговского дискурса. Шеллинг постоянно движется в многоуровневом историко-философском контексте, вплетая в изложение нередко трудно идентифицируемые скрытые цитаты и аллюзии, философская релевантность которых тоже требует оценки. Эта чрезвычайно рафинированная стратегия косвенного сообщения, отчасти унаследованная философом от высоко ценимого им И.Г. Гамана, особенно затрудняет интерпретацию текстов Шеллинга, большинство которых до сих пор не подвергалось систематическому научному комментированию.

3. Печатное и устное слово

При рассмотрении шеллинговской философии как единства осуществленного и неосуществленного необходимо учитывать и еще один важный аспект. Речь идет о традиционно важной для философии проблеме соотношения устной и письменной трансляции философского содержания. Подобно большинству мыслителей эпохи немецкого классического идеализма, Шеллинг разворачивал свою философскую работу параллельно в двух взаимосвязанных, но различных амплуа — как независимый литератор, поставляющий печатные тексты на издательский рынок, и как университетский профессор, презентующий результаты своей философской работы преимущественно в устной (лекционной) форме в рамках, определенных университетским укладом. Такое тесное взаимодействие устной и печатной формы высказывания, характерное для немецкой философии XIX в. в целом, налагает отпечаток на характер философской работы (1).

В случае Шеллинга эта проблема усугубляется тем, что в поздний период его творчества устная форма постепенно начинает преобладать над письменной (2).

Как известно, после 1809 г. Шеллинг не опубликовал ни одной крупной философской работы, но с 1821 по 1846 гг. продолжал интенсивную преподавательскую

деятельность, развивая и разрабатывая свою философию в лекционных курсах, а также в официальных устных выступлениях (например, речах, произнесенных им в качестве президента Баварской Академии Наук). Большое значение для Шеллинга имели и беседы в относительно узком кругу учеников, о содержании которых можно составить себе некоторое представление по свидетельствам участников (3).

Результаты этой работы лишь частично зафиксированы в оригинальных рукописных текстах лекций или речей; большая часть лекционного материала дошла до нас в слушательских записях, лишь незначительное количество которых обработано и опубликовано.

Своеобразие такого источника, как слушательская запись, порождает новые трудности. Качество записи, ее подробность и точность могут быть очень разными, поэтому требуется специальная критическая работа по оценке ее предполагаемой адекватности. Возможность такой критической оценки зависит от того, имеется ли соответствующий лекционный курс в одной или в нескольких записанных версиях, а также от того, можно ли установить связь между рассматриваемым текстом и одним из рукописных или опубликованных шеллинговских текстов.

В ряде случаев следует учитывать технологию производства записи: подвергалась ли запись редактуре (в некоторых случаях можно даже предполагать авторизацию записи самим философом), положена ли в ее основу запись одного лица или записи многих разных лиц, в процессе компиляции которых составляется максимально полный текст, и т.п. Таким образом, и в этом отношении исследователь шеллинговской философии оказывается лицом к лицу с доксографическими проблемами, также характерными скорее для работы с философскими текстами древности и средневековья, нежели для изучения творчества автора, жившего двести — двести пятьдесят лет назад.

4. Множественность версий и проблема пратекста

То обстоятельство, что результаты работы Шеллинга над тем или иным философским проектом зафиксированы во множестве разных версий, порождает новые текстологические проблемы, связанные с возможностью реконструкции пратекста, лежащего в основе этих многочисленных версий. При этом оценка философской значимости расхождений между различными версиями зависит от возможности решения вопроса, находятся ли они в синхронном или в диахронном отношении друг к другу.

Таким образом, проблема пратекста, лежащего в основе многих версий, рассматривается на двух уровнях: во-первых, как вопрос о реконструкции наиболее полной и адекватной версии четко хронологически фиксированного текста (например: «Как именно выглядел текст, прочитанный Шеллингом в зимнем семестре 1837 г. под названием „Философия откровения“?»), и, во-вторых, как вопрос о реконструкции того предполагаемого текста, в качестве различных вариантов которого служат тексты, произнесенные в разные годы под одним и тем же названием (например: «В каком смысле курсы „Философии откровения“, прочитанные Шеллингом в разные годы, являются разными версиями изложения одной и той же концепции, и как выглядит пратекст, образующий их общую основу?»).

Решение подобных вопросов приходится постоянно модифицировать с каждым новым текстом, вводимым в научный оборот, с каждым уточнением датировки, с каждым новым биографическим свидетельством. Вполне очевидно, что с каждой такой модификацией меняются и условия понимания текста. Вместе с тем результаты философского анализа и истолкования тех или иных текстов оказывают обратное воздействие на источниковедческие изыскания.

5. Проблема аутентичного текста

Отдельный и чрезвычайно сложный комплекс источниковедческих проблем связан с первой посмертной публикацией шеллинговских сочинений, во многом определившей восприятие поздней его философии в XIX и XX в. Здесь не место подробно рассматривать историю возникновения первого собрания сочинений, изданного Карлом Фридрихом Августом фон Шеллингом. Подробная реконструкция процесса формирования этого корпуса требует кропотливейшей текстологической работы, лишь первым подступом к которой служит блестящее исследование Аннелены Мюллер-Берген и Симоне Сартори [14], проливающее свет на генезис «Философского введения в философию мифологии». Ограничимся лишь указанием на поставленную этими исследованиями общую проблему.

После смерти Шеллинга в 1854 г. потомки приняли решение издать его собрание сочинений. Помимо выражения глубокого пиетета по отношению к отцу, это начинание имело своей целью восстановление поколебленного авторитета шеллинговской философии, оказавшейся в тени в результате стремительного распространения гегельянства. Чтобы представить широкой публике истинный масштаб шеллинговского философствования, требовалось опубликовать огромный массив материала из его рукописного наследия. Работа над подготовкой издания была поручена младшему сыну Шеллинга, Карлу Фридриху Августу (Фрицу, как его называли в семье), протестантскому пастору.

Задача, поставленная перед Фрицем Шеллингом, была архисложной. Требовалось не только собрать и упорядочить рукописи отца, но и придать текстам вид единого, систематически организованного целого.

Поскольку по целому ряду причин организационного, финансового и практического характера издание должно было быть осуществлено в кратчайшие сроки, то решение этой задачи не могло быть осуществлено без интенсивного редакторского вторжения в авторский текст. Целый ряд прямых и косвенных свидетельств (в частности, переписка между сыновьями Шеллинга, а также выполненные Фрицем Шеллингом списки рукописей отца и его пометки в шеллинговских манускриптах) позволяют со всей определенностью установить, что в процессе работы над изданием текстов второго отдела собрания сочинений Фриц не только компилировал фрагменты рукописей разного времени (в том числе черновики и дневниковых записей), но даже дописывал от себя связующие абзацы, чтобы придать тексту вид законченного сочинения.

Таким образом, тексты собрания сочинений не отвечают в полной мере воле автора и требуют серьезной критической переработки. Эта сложнейшая работа предполагает своего рода деконструкцию наличного текста, расчленение его на составные части и возвращение компилированных фрагментов в их изначальный

контекст. Лишь после этого можно, опираясь на все имеющиеся источники и биографические свидетельства, осмысленно ставить вопрос о предполагаемом авторском замысле.

Вполне очевидно, что после утраты мюнхенского архива такая критика текстов собрания сочинений Шеллинга невозможна без основательного изучения неизданных рукописей и материала лекционных записей. При этом реконструкция аутентичного текста никак не может опираться только на чисто текстологические соображения, но должна учитывать и результаты содержательно-философского анализа.

Удовлетворительное решение всех источниковедческих вопросов, связанных с наследием Шеллинга, должно дать Историко-критическое издание его сочинений, осуществляемое специально созданной для этого комиссией при Баварской Академии Наук. В соответствии с концепцией собрание должно состоять из четырех отделов: сочинения, рукописное наследие, переписка, записи лекций. Увы, объем и сложность этой работы не позволяют надеяться на ее завершение в обозримом будущем: новый том, вышедший в 2009 г. в отделе сочинений, содержит только тексты из второго тома «Журнала умозрительной физики» (1801), в отделе переписки вышел пока только второй том, охватывающий переписку 1800—1902 гг., работа над двумя остальными отделами только начинается.

6. Проблема метатекста

Рассмотрение всех перечисленных проблем разворачивается в горизонте постановки самого трудного вопроса: в каком отношении друг к другу находятся отдельные тексты и группы текстов и по каким принципам они могут быть соединены в упорядоченное целое? Состоящее из множества текстов разной степени законченности и самостоятельности, шеллинговское наследие, взятое в полном объеме, особенно в той его части, которая относится к позднему периоду, предстает перед исследователем как недостроенное здание, покрытое лесами и со всех сторон окруженное заготовленными строительными блоками.

В такой ситуации конечной целью долгой и трудоемкой текстологической работы является выяснение того, какой именно проект лежал в основе всех подготовительных работ и какую функцию должен был выполнять каждый из множества элементов этой сложной системы.

Работу над шеллинговским наследием можно уподобить в этом отношении составлению картинки-пазла из множества отдельных фрагментов (при этом, поскольку комплект фрагментов заведомо неполон, в реконструируемом метатексте всегда остаются лакуны). Все попытки осуществления целостной интерпретации философии Шеллинга в конечном счете проверяются именно тем, насколько убедительно та или иная содержательно-философская интерпретация позволяет восстановить структуру шеллинговского метатекста.

Учитывая огромные объемы частей и исключительную сложность используемого Шеллингом методологического инструментария, эта работа приобретает очень длительный характер и оказывается непосильной для исследователя-одиночки. При реконструкции метатекста приходится учитывать множество дополнительных сведений: варьирующиеся названия лекционных курсов, хронологический порядок их прочтения, различный охват проблематики в курсах различной про-

должительности, соотношение дидактических и систематических компонент и т.п. Особое значение в этой работе приобретает содержательная оценка параллельных мест и повторов, в изобилии встречающихся в шеллинговских текстах разного времени: для правильной оценки таких параллелизмов необходимо четко фиксировать, какие функции выполняют одни и те же аргументы в различном методологическом контексте.

Из всего изложенного видно, что современное шеллинговедение стоит перед необходимостью междисциплинарных исследований, предполагающих совместные усилия многих специалистов и тесную интеграцию филологических и философских методов работы с текстом. Интересные перспективы открывают также новейшие компьютерные технологии анализа текстов. Так, проведенные Паулем Цихе, Эрнстом-Отто Оннашем и Клаусом Хольтхаузенем опыты по изучению текстов Шеллинга с применением специально разработанных компьютерных программ, позволяющих статистически изучать ассоциативные поля употребляемых философом терминов [15], не только предоставляют дополнительные косвенные аргументы для датировки, но и дают повод к любопытным обобщениям.

Нетрудно увидеть, что источниковедческие проблемы непосредственно перерастают здесь в герменевтические. Главной среди них был и остается вопрос, в какой мере и в каком смысле огромное по объему и разнообразное по жанровым характеристикам наследие Шеллинга действительно можно рассматривать как единое целое и какие общие принципы лежат в основе этого целого. Любой ответ на него представляет собой принципиальный герменевтический выбор, определяющий стратегию чтения шеллинговских текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) К примеру, для корректной интерпретации таких текстов, как «Основа общего наукоучения» Фихте или «Система трансцендентального идеализма» Шеллинга, нельзя упускать из виду, что они создавались как сопроводительные материалы («скрипты») к лекционным курсам и, соответственно, предполагали обширные устные разъяснения и дополнения. Принципиальная несамодостаточность таких текстов требует большой осмотрительности в решении вопросов интерпретации.
- (2) В наиболее радикальной форме та же тенденция наблюдается в философской эволюции Фихте, который сознательно и весьма последовательно продолжал восходящую к Платону традицию предпочтения устного слова письменному. В противоположном направлении развивалось философское творчество Гегеля, в конечном счете, безусловно, сознательно ориентированное на создание письменно зафиксированного канона. Шеллинговское мышление постоянно находилось в поле напряжения между обеими тенденциями. О том, что он отдавал себе отчет в серьезности проблемы, свидетельствует постоянная тематизация применительно к философии различия экзотерического и эзотерического.
- (3) Хрестоматийным примером служат Штутгартские частные лекции 1810 г. [см. 12. С. 315—325]. Интересны также беседы Шеллинга с поэтом и философом Мельхиором Майром, зафиксированные в дневнике последнего [13].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Fuhrmans H. Dokumente zur Schelling-Forschung II // Kant-Studien. — Bd. 47. — Köln, 1955.*
- [2] *Fuhrmans H. Dokumente zur Schelling-Forschung IV. Schellings Verfügung über seinen literarischen Nachlaß // Kant-Studien. — Bd. 51. — Köln, 1959/60.*

- [3] *Schröter M.* Bericht über den Münchener Schelling-Nachlass // Zeitschrift für philosophische Forschung. — Bd. 8. — Meisenheim am Glan, 1954.
- [4] *Schelling F.W.J.* Darstellung meines Systems der Philosophie // Historisch-kritische Ausgabe. Reihe I: Werke. Bd. 10. Schriften 1801. “Darstellung meines Systems der Philosophie“ und andere Texte. Hg. v. M. Durner. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2009.
- [5] *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения. — Т. 2. — М.: Мысль, 1989.
- [6] *Hogrebe W.* Prädikation und Genesis. Metaphysik als Fundamentalheuristik im Ausgang von Schellings „Die Weltalter“. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.
- [7] Schelling und Cotta. Briefwechsel 1803—1849. Hrsg. v. Horst Fuhrmans und Liselotte Lohrer. — Ernst Klett Verlag, Stuttgart, 1965.
- [8] *Schelling F.W.J.* Die Weltalter. Fragmente. Hg. u. eigel. v. M. Schröter. — München, 1946.
- [9] *Schelling F.W.J.* Weltalter-Fragmente (Schellingiana 13). — Stuttgart-Bad Cannstatt, 2002.
- [10] *Schelling F.W.J.* Philosophische Entwürfe und Tagebücher. Aus dem Berliner Nachlaß herausgegeben von Hans Jörg Sandkühler mit Lothar Knatz und Martin Schraven. — Bd. 1: Philosophische Entwürfe und Tagebücher 1809—1813. Philosophie der Freiheit und Weltalter. — Hamburg, 1994.
- [11] *Schelling F.W.J.* Philosophische Entwürfe und Tagebücher. Aus dem Berliner Nachlaß herausgegeben von Hans Jörg Sandkühler mit Lothar Knatz und Martin Schraven. — Bd. 2: Philosophische Entwürfe und Tagebücher 1814—1816. Hamburg.
- [12] *Резвых П.В.* Первый набросок философской теологии Ф.В.Й. Шеллинга // Философия религии. Альманах. 2008—2009. — М., 2010. — С. 315—325.
- [13] *Tilliette X.* (Hg) Schelling im Spiegel seiner Zeitgenossen. Ergänzungsband. Melchior Meyr über Schelling. — Torino, 1981.
- [14] *Müller-Bergen A., Sartori S.* Karl Friedrich August Schelling und „die Feder des seligen Vaters“. Editions-geschichte und Systemarchitektur der zweiten Abteilung von F.W.J. Schellings Sämtlichen Werken // Editio. — 2007. — № 21.
- [15] *Holthausen K., Onnasch E.-O., Ziche P.* Dynamisierte Textcorpora. Anwendungen neuronaler Netze für editorische und texterschließende Fragestellungen. Editio. Internationales Jahrbuch für Editions-wissenschaft. — 2007. — S. 169—186.

THE TEXTOLOGICAL PROBLEMS IN STUDIES ON THE PHYLOSOPHY OF F.W.J. SCHELLING

Petr V. Rezykh

Poletayev Institute for Theoretical
and Historical Studies in the Humanities
National research university — Higher school of economics
Petrovka str., 12, Moscow, Russia, 103031

In the article the author focuses on the situation with sources for the work of the German philosopher F.W.J. Schelling. The article argues for the necessity of giving up several methodological stereotypes typical for the traditional approaches to the history of the German idealism and tries to outline the main trends of the developing an interdisciplinary research strategy for studies on Schellings philosophical work. The author shows on this example the indissoluble connection between textology and hermeneutics in the history of philosophy.

Key words: German idealism, Schelling, textology, hermeneutics, interdisciplinarity, source studies.